

М.М. Голубков

**Из опыта чтения МФК
«Современная русская литература и классика XX века:
реализм, модернизм, постмодернизм»**

Идея МФК сразу же показалась мне очень интересной, и по нескольким причинам. Во-первых, это обращение к совершенно новой аудитории. Это не филологи, наши воспитанники, но люди с других факультетов – и гуманитарии, и естественники. Следовательно, говорить нужно достаточно просто, стараясь избегать специальных терминов, понятий теории литературы, которые оттачиваются на филологическом факультете все пять лет. Но говорить просто о сложных вещах, таких, как, скажем, модернизм или постмодернизм, очень непросто – прошу простить невольный каламбур. Но в этом-то и был интерес!

Во-вторых, такого курса в наших учебных планах просто нет. Он целиком и полностью авторский. Он не вписан в строгую хронологическую канву, которой подчинены все историко-литературные курсы на нашем факультете. Следовательно, автор курса получает возможность говорить именно о тех аспектах литературы, которые его интересуют. Выстраивать тот «сюжет», который дает возможность соединить наиболее интересные, с его точки зрения, грани литературного процесса.

В-третьих, специфика первого опыта чтения МФК обусловлена тем, что идея их внедрения возникла в ректорате прямо накануне весеннего семестра, в самом конце января или даже в начале февраля, – на некоторых факультетах даже расписание было уже сверстано. Для нас это означало то, что читался курс практически «с колес»: на подготовку первых лекций, на составление хотя бы общего плана было около недели. Если угодно, это был такой своеобразный семестровый экспромт, – я представлял себе, что будет дальше, на три-четыре лекции, не больше!

И вот с таким запасом на три-четыре лекции прихожу в 9 аудиторию нашего первого гуманитарного корпуса и понимаю, что она не вмещает весь народ, что собрался меня слушать! Ребята стоят в проходе, сидят на ступеньках, на батареях у оконной стены... Так бывает только в ноябре, когда академик Зализняк рассказывает о новых новгородских грамотах, найденных в летней экспедиции! И понимаю, что причиной аншлага является не моя скромная персона, а предмет – современная русская литература и классика XX века. Вот тогда, пожалуй, и пришло понимание того, за что довелось взяться... Конечно, мне не хотелось, чтобы ребята стояли в течение лекции. Как-то удалось рассадить, просил сдвинуться тех, кто оказался в середине ряда, – в тесноте, да не в обиде. Дальше было проще: нас перевели в аудиторию 02 Главного здания МГУ, большую, светлую, красивую, – но без микрофона, просто голосом, ее не взять. Заполнялась она целиком, но мест хватало всем.

Сам курс получился ретроспективным: первые несколько лекций были посвящены современной литературе, здесь же вводились и обосновывались важнейшие теоретико-литературные понятия: нужно было дать литературоведческий инструментарий, который помог бы и разобраться в тонкостях современного литературного процесса, и предложить ключ к совершенно особому, новому по сравнению с предшествующими периодами языку литературы XX века. Показав, что происходит в литературе сейчас, обратился к предшествующим периодам, к середине века, затем к 1920–1930-м годам. Своеобразной сверхзадачей такой ретроспективы было желание показать, что в литературе, как и в языке, нет ничего случайного, что, например, экспансия постмодернизма 1990-х годов была обусловлена литературной ситуацией рубежа 1980–1990-х, а нынешнее состояние, которое, как мне кажется, характеризуется богатством литературы и парадоксальным отсутствием литературного процесса, – постмодернистской деконструкцией, осуществленной в предшествующее десятилетие. В результате, как я надеюсь, получился курс, ретроспективно охватывающий период, хронологические рамки которого ограничиваются двумя рубежами веков – прошлым (XIX–XX) и нынешним (XX–XXI), современниками и свидетелями которого мы все являемся.

Вообще, прошлый рубеж веков, произошедшая тогда «художественная революция», приведшая к утверждению нового художественного языка, новой грамматики и лексики, «культурный взрыв», породивший символизм, младосимволизм, акмеизм, предопределил основные векторы литературного развития на столетие вперед. Экспансия модернизма, его взаимодействие с реализмом дало ярчайшие результаты! Можно сказать, что если бы не Серебряный век, век XX был бы совсем иным, – боюсь, скучным и унылым. Это-то я и стремился показать, подойдя в последних лекциях к истокам нынешней литературы, которые сложились больше ста лет назад.

Но здесь и возникла одна из проблем, с которой, наверное, сталкивался каждый лектор, читающий МФК. Это необходимость интерпретации специальных понятий. В самом деле, литературоведы спорят о том, что такое модернизм или реализм, а здесь это нужно объяснить четырем сотням человек, среди которых гуманитарии, математики, естественники. При этом совершенно очевидно, что базовый уровень знаний у студентов в аудитории принципиально разный. Когда, например, речь заходит о влиянии научных открытий в области физики на философское сознание рубежа веков и произносятся имена Эйнштейна, Бора или же Де Бройля, то оживление возникает в одном конце аудитории (ага, там физики!); заговариваешь о том, как философская мысль влияет на обыденное сознание и на психологию человека в его каждодневной жизни и произносишь имена Фрейда или Бергсона, оживляются другие ряды (вот и психологи!); заговариваешь о советской исторической школе академика Покровского, с которой полемизировал Воланд, увещевая Берлиоза, важно кивают историки (кто кроме них помнит сегодня красного академика Покровского?) И вот всему этому студенческому сообществу, которое собрал в одной аудитории интерес к литературе XX столетия, нужно объяснить, например, что такое модернизм.

Поделюсь своим опытом подобной практики. Естественно, лучше попытаться сделать это на примере, притом хорошо известном. И вот на первой же лекции прошу студентов прочитать к следующему разу два произведения, написанных об одном и том же – о несчастной любви. Сюжетообразующей в них оказывается одна и та же ситуация: человек теряет женщину, с которой сталкивает его случай, теряет необратимо, навсегда, теряет по собственной вине, по непониманию, нерасторопности, нерешительности, самоуверенности... Только одно написано в середине XIX века, в эпоху реализма, а другое – в XX веке, в эпоху модернизма.

Узнали? Некоторая растерянность в аудитории, но, предложив несколько вариантов, все же сходимся со студентами на одном: это «Ася» И.С. Тургенев и «Солнечный удар» И.А. Бунина. Но только реалисту Тургеневу для того, чтобы описать эту глубоко драматическую ситуацию, требуется больше сотни страниц (от формата книги зависит), а модернисту Бунину – всего четыре. Почему? На этом вопросе и расстаемся до следующего раза. (Прошу прощения у тех представителей литературоведческой науки, которые не склонны считать И.А. Бунина модернистом, но видят в нем реалиста или же неореалиста: речь идет не столько о терминах и понятиях, сколько о новом типе художественного мышления, которое воплотил Бунин.)

На следующей лекции пытаемся разобраться, в чем дело. У обоих авторов женщина как загадка, которую не в силах разгадать герой. Ася у Тургенева предстает перед повествователем в самых разных обликах: то как томная барышня, то как озорная девчонка, она то мила с героем, то еле замечает его... N.N. совсем уж встает в тупик, когда видит Асю, рыдающую

на коленях у Гагина, своего брата, и убеждающую, что любит только его. Загадка женского характера неразрешима!

Оказывается, реалисту необходима предыстория героя, чтобы объяснить характер. По мысли Л. Гинзбург, замечательного исследователя русского и европейского реализма, в характере нет ничего, что не было бы мотивировано жизнью героя, средой, обстоятельствами. Характер принципиально познаваем и не содержит в себе того, что нельзя было бы объяснить иначе чем воздействием среды. И, рассказывая предысторию Аси, Гагин открывает перед N.N. причину ее поведения: будучи незаконнорожденной, она не имеет прочного и определенного социального статуса и как бы пытается примерить для себя разные поведенческие роли: то строгой барышни, то озорной девчонки... Предыстория героини, поведенная Гагиным, раскрывает характер без остатка и целиком.

А что мы видим у Бунина? Полный отказ от мотивации характера! Человек непознаваем, он является загадкой для самого себя – и никакая предыстория не может объяснить его сущность, скрытую от него самого! И безымянная героиня рассказа, и поручик, врасплох застигнутый любовью, не могут объяснить, что случилось с ними. Рациональный подход к мотивировке характера, свойственный для реализма, больше неприемлем: «Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли обо мне подумать, – скажет героиня. – Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будет больше. На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...» «В самом деле, точно какой-то солнечный удар!» – согласится поручик, потеряв, как и герой Тургенева, свою любовь навсегда. Но оба отказываются искать объяснение произошедшего в рациональной сфере, в сформировавшей их среде, в обстоятельствах. То, что необходимо реалисту, вообще оказывается вне сферы авторского внимания у Бунина. Человек принципиально необъясним, иррационален, он загадка для самого себя.

И здесь возникает, возможно, самое сложное в такой аудитории. В сознании слушателей разрушается достаточно прочно укорененный в коллективном литературоведческом подсознательном миф о том, что модернизм непременно связан с обращением к фантастическому гротеску, к формам условной образности, – вовсе нет! Модернизм предполагает принципиально иную трактовку человека, допуская в нем иррациональное, непознаваемое, утверждая, что человек не равен самому себе и отнюдь не исчерпывается влиянием среды, обстоятельств и пр. А поэтика жизнеподобия может быть характерна как для реализма, так и для модернизма.

Но не только лекции обзорно-проблемного плана мне хотелось представить своим слушателям. Получилось выкроить время и для монографических лекций, которые представляли знаковые фигуры литературной эпохи – В. Набокова, М. Горького, А. Солженицына.

Особый разговор получился о Владимире Сорокине, писателе, традиционно числящемся постмодернистом, но творчество которого давным-давно вышло за рамки, очерченные французскими постструктуралистами 60-х годов прошлого века. Возможно, это был самый трудный материал: необходимо было и представить концепции Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, показать их категориальный аппарат (деконструкция, смерть автора, пастиш, постмодернистская чувствительность и пр.), и обнаружить, что русский постмодернизм – явление куда более сложное, а творчества В. Сорокина отнюдь не сводится к эстетизации зла... Слушали этот крайне сложный материал, а на зачете выяснилось, что отнюдь не зря!

Для меня лично курс этот был невероятно полезен. И, возможно, наиболее актуальный опыт, который мне удалось для себя извлечь, выходит за рамки разговора об МФК и затрагивает общую социокультурную ситуацию настоящего времени. Собравшаяся аудитория, ее характер, различие профессиональных интересов с очевидностью доказывали, что разговоры о падении общественного интереса к литературе, о том, что нынче никто не читает, об утрате русской культурой литературоцентризма – миф. Студенты МГУ самых разных факультетов (а это, очевидно, элита современной российской молодежи) литературу читают и хотят о ней слушать и говорить. На зачете не раз приходилось слышать о том, что знание современной литературы и владение классикой формирует национальную идентичность, укореняет личность в русской культуре.

Трудно не согласиться с подобными суждениями, но они заставляют задуматься над серьезными проблемами уже нас, филологов. Чем мы можем ответить на подобный интерес студентов не только нашего факультета, но и МГУ в целом? Только ли серией межфакультетских курсов, пусть самых разнообразных и интересных? А нет ли других путей для удовлетворения этого интереса?

Известно, что в образовательный стандарт МГУ на всех факультетах включен курс «Культура речи». Его значение в нынешних условиях, когда русский язык выпускникам школы преподается «под ЕГЭ», а общая способность речепорождения, как письменного, так и устного, стремится вниз, очевиден. Этот курс необходим – но достаточен ли? Возможно, наравне с ним должен читаться и курс «Русская словесность», который актуализировал бы в сознании личности отечественную литературу как уникальный в своем роде носитель исторической информации, способный укоренить человека в пространстве национальной истории и сориентировать его в отношении будущих исторических перспектив?

Пожалуй, острое ощущение необходимости такого курса для образовательного стандарта Московского университета и стало для меня главным итогом чтения МФК.

Сведения об авторе:
Михаил Михайлович Голубков,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Michael Golubkov
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Moscow State Lomonosov University